

На косогоре залаяла собака, и деревенские псы дружно отозвались ей из темноты.

— Кто там? Вернулись? — из дома напротив въезда в деревню осторожно высунулся хозяин. Он был по пояс голым, словно только что скатился с лежанки.

— Всё в порядке, грузовики с товаром вернулись, — бросил проходящий мимо мужчина средних лет. Одеждой он ничем не отличался от местных; шёл, низко опустив голову, так что лица в полумраке было не разглядеть.

Через плечо у него был перекинут длинный продолговатый свёрток, обмотанный грязно-синей узорчатой тканью. Местные охотники часто ходили в горы с ружьями, завернутыми именно так — дело привычное.

— Вернулись?.. А, ладно, — пробормотал хозяин, сплёвывая табачную жвачку. Он-то думал, в дороге что-то стряслось.

Он уже закрывал дверь, как вдруг замер. Сомнение пробежало по лицу, и рука сама потянулась к стоявшему у косяка ружью.

— Эй, погоди-ка...

Прохожий на первый взгляд походил на здешнего жителя, но когда он медленно проходил мимо низкого забора, бдительный хозяин почуял неладное. Этот тип был слишком высок. Местные мужчины редко перерастали метр семьдесят три, а в этом верзиле было за метр восемьдесят, если не больше.

Любой чужак выше метра восьмидесяти привлекал здесь ненужное внимание. К таким присматривались сразу: либо тренированный боец, либо опасный гость, перешедший границу со стороны северного, куда более могущественного и богатого соседа.

Хозяин дома не успел договорить — незнакомец резко обернулся.

Из темноты на него глянуло чужое лицо, измазанное серо-зелёным гримом. Глаза незнакомца оставались совершенно спокойными, будто он просто хотел спросить дорогу или попросить пиалы чая.

Без лишних слов, без оправданий и маскировки тень метнулась вперёд. Движение было молниеносным. Тяжёлая, бугрящаяся мышцами рука захлестнула шею хозяина мёртвой петлёй, прижала к груди и увлекла на землю, на корню пресекая любые попытки крикнуть или вырваться.

В ту же секунду колено нападающего с глухим стуком впечаталось в грудь жертвы. В ночной тишине отчётливо хрустнули рёбра, пробивая лёгкое.

Пальцы стальными тисками впились в горло. Короткий, сухой хруст — и всё закончилось. Настоящий финал.

Схватка заняла секунды три. Движения убийцы были выверены до миллиметра. Жаль только, оценить эту смертоносную грацию было некому — ни свидетелей вокруг, ни объективов камер наблюдения.

Это был долгий путь мести. Почерк безжалостного карателя. К слову, его манера двигаться, нападать и держать дистанцию до жути походила на повадки сына — яблоко от яблони.

Ли Ханьцзян брезгливо вытер кровь с ладоней и оттащил обмякшее тело за дом, сбросив в сточную канаву. Перед этим он обыскал покойника: забрал мобильник и рацию. Схватив закованный палец мертвеца, он приложил его к экрану, снял блокировку и тут же отключил пароль.

Свернув с тропы, Ли Ханьцзян мгновенно растворился в густом подлеске. Повсюду шныряли патрули, заливались лаем собаки — светиться на открытых участках больше нельзя.

В воздухе висел едва уловимый, но характерный химический смрад. Бывалому лесному охотнику не нужны были карты — этот запах безошибочно указывал путь. Почти в каждом доме здешних деревень варили отраву. Наркобизнес опутал этот край, словно ядовитый плющ, лишая его солнца и будущего.

«Где сейчас Сяо Пэй?»

Судя по датчику слежения, маячок двигался где-то поблизости. Встреча должна была состояться с минуты на минуту.

Где-то в глубине гор тускло горели костры, слышался пьяный ор. Спешное бегство и общая нервотрепка ничуть не убавляли спеси наёмникам — те вовсю срывали злость на ухабистой дороге. Они глушили дешёвое пойло, швыряли бутылки в темноту и непрерывно матерились.

Сброд, готовый продать мать родную за грош и пустить слюну на любое смазливое личико. Ни морали, ни веры — только шкура, которую они каждое утро выставляли на кон. Слишком долго идя по этой кривой дорожке, они растеряли даже зачатки уважения к человеческой жизни и достоинству.

Впрочем, транспорт у них был роскошный — наркобароны на спичках не экономили. Тяжёлые военные внедорожники в буро-зелёном камуфляже щеголяли бронированными носами, готовые штурмовать любые кручи.

Пэй И незаметно постучал костяшками пальцев по обшивке одного из них. Усиленная сталь, пуленепробиваемые стёкла, защита от радаров — полный фарш.

Багажники ломились от цинков с патронами и стволов... Пожалуй, их оснащение не уступало экипировке наших погранвойск.

Похищенные чиновники и коммерсанты после бурных протестов получили по дозе транквилизатора и теперь мирно дрыхли на задних сиденьях автодома, пуская слюни.

К утру, когда они откроют глаза, весь этот ад останется позади. Они сделают вид, что ничего не помнят, да и вообще ничего не было.

Сорвать куш, залечь на дно месяца на два, переждать грозу, а потом вернуться к делам... Главное — без сучка и задоринки протащить товар через кордоны полиции, любыми путями состричь купоны!

Именно поэтому старый хрыч У Тинмао до сих пор не пустил всех в расход и не уделил заложникам по пуле. Он надеялся выторговать себе лазейку на будущее. И криминальные сверхприбыли карман греют, и легальный статус уважаемого бизнесмена терять ох как не хочется.

Пэй И молча сидел в палатке, отсветы костра плясали на его бледном лице.

Боковым зрением он видел дежуривших снаружи шестёрок с автоматами. Те ловили каждое его движение, выжидая, когда этот пижон совершит глупость.

Он уже подготовился к худшему сценарию. Чтобы обезглавить змею, нужно бить по голове — брать главаря тёплым. Плевать, что в кармане нет официального ордера или санкции на совместную операцию, и плевать на осторожные директивы руководства. Пэй И пришёл за «Тигром».

И никто вокруг до сих пор не сообразил, что за время пути и двух коротких остановок их банда лишилась ключевой фигуры. Охранники умудрились проглядеть исчезновение объекта. Они наивно полагали, что несносный командир Лэй дрыхнет в палатке вместе с молодым господином Пэем, а сам Пэй И думал, что Лэй По устроился в броневику. Ирония судьбы.

Бонайвэнь пару раз демонстративно шатался возле палатки, разил перегаром и зыркал похотливыми, масляными глазками. Впрочем, портить чужую «добычу» он не решался — кишка тонка. Вместо этого ублюдок отыгрался на парнишке, который до этого прислуживал Пэй И и грел ему постель. Дикая, звериная похоть требовала выхода. А если зрить в корень, то трусливый садист просто пытался заглушить липкий страх после пережитой пару часов назад мясорубки. Слабаки всегда срывают злость на тех, кто ещё слабее.

Парнишка хрипло вскрикивал, его тихий, захлёбывающийся плач разносился над лагерем, пока несчастный совсем не выбился из сил и не затих.

— Что за скотство? — поморщился Чжан Шаочи, не скрывая брезгливости. — Он же ещё совсем пацан.

Дикари, первобытное стадо.

Мальчишка сидел у костра, вжимая голову в плечи. Сквозь грязь и слёзы он слабо улыбнулся Чжан Шаочи — к такому унижению он привык с малых лет.

Чжан Шаочи бросил ему вакуумную упаковку вяленой говядины. Наверное, в нём подспудно бурлил этот дурацкий отцовский инстинкт — защитить брошенного, беззащитного щенка. Больше всего на свете Чжан ненавидел, когда сильные измывались над слабыми.

Пэй И слабо усмехнулся:

— Надо же, какой заботливый.

— А я тебя в своё время мало баловал? — в тон ему отозвался Чжан Шаочи.

Его Сяо Пэй больше не был беззащитной жертвой. Он вырос — сильный, хваткий, чертовски умный и способный выгрызть себе жизнь из любой глотки.

Тяжёлая дверь броневика со скрипом отворилась. Из темноты показалось угрюмое лицо У Тинмао. Старик окинул взглядом лагерь. Чутьё старого волка, искушённого в интригах и прошедшего огонь и воду, настойчиво шептало: здесь что-то не так.

Больше всего его смущало олимпийское спокойствие Чжан Шаочи и его молодого любовника. Ни паники, ни криков, хотя их даже не накачали транквилизаторами. Сидят себе смирно, словно приехали на пикник, и безропотно тащатся вслед за бандой наркоторговцев. Слишком гладко. Слишком подозрительно.

— Бонайвэнь, покажи-ка мне ещё раз снимок суперинтенданта Ляо, — вдруг сипло приказал У Тинмао.

— Да вы же его сто раз видели, босс! Всё чисто, я не мог облажаться! — буркнул Бонайвэнь, но спорить не решился. Он выудил из кармана защищённый смартфон и открыл файл. Достать этот кадр стоило огромных трудов, копия была единственной в своём роде.

У Тинмао выхватил телефон и впился глазами в экран.

Снимок сделали через лобовое стекло автомобиля — зернистый, смазанный кадр из далёкого прошлого. Женщина на фото уже вышла из нежного возраста, но её харизма прямо-таки была через край. Пышные тёмные кудри небрежно рассыпались по плечам, алые губы выделялись ярким пятном, взгляд лучился дерзкой уверенностью. Одной рукой она сжимала руль, а тонкими длинными пальцами другой небрежно держала зажжённую электронную сигарету. Прекрасна и опасна.

— Жаль, когда мы взялись за этого Чэня из Шестого специального отдела, взрывчатка его не добила, суку! — злобно сплюнул Бонайвэнь.

— Напомни, что было в той медицинской карте, которую вы нашли в обломках подорванной машины? — прищурился У Тинмао.

— Да там название клиники светилось. Наши люди всё перерыли, но архивы давно зачищены под ноль. Мать их за ногу, — чертыхнулся подручный.

— А дата рождения? Сколько ему сейчас должно быть?

Если они ошиблись и никакого «тайного ублюдка» у покойной бабы не существовало, выходило, что в той давней бойне погиб лишь любимый сын старого наркобарона. Тогда вся его многолетняя, маниакальная жажда мести, ради которой он дышал и цеплялся за жизнь, рассыплется дешёвой мишурой, как лунный блик на речной воде от удара ладонью. Всплеск — и ничего не осталось.

— Он уже взрослый?

— Ну, если верить тем обрывкам данных, тогда ему было лет двадцать с небольшим. Сейчас, получается, под тридцатник? — Бонайвэнь путался в цифрах, извилины скрипели от натуги. — Может, двадцать восемь или около того?

Костёр громко трещал, разбрасывая искры. Разговаривавшие вполголоса бандиты самонадеянно полагали, что окружены тупым пушечным мясом, и никто не сумеет сквозь этот гул уловить их шёпот или прочесть слова по губам.

Ночной горный ветер хлестнул по лицу, взыв, точно тощий шакал.

Бонайвэнь смачно сплюнул жвачку и осклабился, заглядывая в глаза боссу:

— Да какая разница? Не добили тогда — взорвём ещё раз. Как в тот раз, когда их колымагу с обрыва спустили. Разнесло в щепки, мокрого места не осталось! Нам ведь тогда ещё пришлось подкидывать левый трупак, рубить его на куски, чтоб нагнать жути на этих грёбанных легавых...

Длинные ресницы Пэй И дрогнули. Он опустил глаза, плотно сжав губы в ниточку. Нежно-

розовый рот побелел — парень изнутри прокусил губу до крови. Капля горячей влаги скользнула на язык, он молча слизнул её, ощутив солоноватый привкус железа.

Каждое слово, каждый грязный смешок впивались в сердце раскалёнными иглами. Удар за ударом. Но он уже онемел, приучил лицо оставаться каменной маской. Оброс бронёй, пропитался ядом.

— Эй, парень, взгляни-ка на это! — У Тинмао резко вскинул голову и крикнул через костёр.

Смартфон полетел из рук в руки и шлёпнулся прямо в ладонь Пэй И.

Чжан Шаочи непроизвольно скосил глаза на экран, но тут же демонстративно отвернулся, напуская на себя скучающий вид. Будто ему глубоко плевать, будто чужие тайны его не трогают...

Похож?

Разрез глаз, линия скул, форма пальцев, осанка... Могли ли они совпадать до такой степени? Сходство было убийственным. Когда перед тобой портрет самого близкого человека, родная кровь кричит из каждого пикселя. Сколько ни всматривайся, различий не найти — черты проступали всё чётче.

— Знакома тебе эта дамочка? — вкрадчиво спросил У Тинмао.

— А это кто? — безразлично спросил Пэй И.

— Та самая сука, что сгубила моего мальчика, — осклабился У Тинмао, уходя в воспоминания.
— Если честно, я даже уважал эту бабу. Хватка у неё была железная... Жаль, дорожки наши разошлись. Не захотела делить со мной пирог, отказалась работать по-крупному. В нашем деле расклад простой: либо ты жрёшь, либо тебя. Пришлось её убрать. Жаль, красивая была баба.

— Действительно, — медленно кивнул Пэй И. — Думаю, госпожа суперинтендант предпочла бы делить дела с тем мужчиной, который теперь навещает её могилу по ночам.

У Тинмао вперился взглядом в его лицо:

— Сынок, а тебе самому-то сколько лет?

— Двадцать девять, — ровно ответил Пэй И. — Скоро тридцать.

Наркобарон удивленно вскинул брови:

— Надо же. А на вид сопляк сопляком, больше двадцати не дал бы!

Пэй И тихо, беззвучно рассмеялся, плечи его мелко задрожали:

— Просто рожей не вышел, да и умом не блещу. Прожил тридцать лет, а толку ноль.

«Мне тридцать лет.

И если я не отомщу за неё, мне незачем жить на этом свете».

На губах Пэй И заиграла на редкость красивая, холодная улыбка. Скрывать правду больше не имело смысла. Ну же, старик, что ты мне сделаешь?

«Ну что, папаша Мао, ты угадал завязку этой истории?

А финал предугадать сможешь?»

У Тинмао медленно, тяжело кивнул. Он не знал, что ещё спросить. В голове царил хаос из подозрений и глухого отрицания. Нет, чушь. Не может мир быть настолько тесен. Судьба не играет в такие дешёвые совпадения. Это просто невозможно.

— Да не парьтесь вы, босс. Стоит нам узнать, что за сучонок светился на тех записях... — Бонайвэнь соображал туго, намёков он не улавливал. Ослабившись и выставив напоказ чёрные от жевания бетеля зубы, он процедил: — Живым он от нас не уйдёт.

Наступила зловещая тишина — затишье перед бурей. Лишь ветер шелестел в кронах да потрескивали дрова.

Оранжевые отблески пламени плясали на лбу Пэй И. В его сознании мир сузился до размеров оптического прицела. Чёрная сетка дрожала, ведя цель, пока перекрестие не замерло точно на лбу Бонайвэня. Ровно между глаз. Раздался мысленный щелчок взведённого курка.

О да. Чей-то смертный час действительно пробил.

В ту секунду, когда глаза Пэй И предательски блеснули от набежавших слёз, Чжан Шаочи железной хваткой сгрёб его в охапку и притянул к себе. Чжан вовремя почуял, что парень на грани срыва — ещё миг, и глухие рыдания вырвутся наружу.

Он больно сжал его подбородок пальцами и грубо, яростно впился в дрожащие губы. Тяжёлый, властный поцелуй и хриплое дыхание заглушили судорожные всхлипы, не позволяя выдать себя ни единым звуком.

Пэй И зажмурился, влага пропитала его ресницы. Всё его тело звенело, как натянутая струна. Он попытался оттолкнуть Чжана свободной рукой, но тот намертво перехватил его запястье и прижал к полу, заставляя подчиниться.

Оскал ярости, бешеный стук сердца — всё это безошибочно растворилось в грубой, спасительной ласке. Поцелуями Чжан прошёлся по его векам и вискам, незаметно слизывая горячую слезу.

— Всё, хватит... — прохрипел Чжан Шаочи прямо в губы парню. — Пошли спать. Вырубаемся.

На глазах у изумлённой охраны Чжан бесцеремонно зажал Пэй И под мышкой и потащил в палатку. Завалившись внутрь, он резко задёрнул полог.

Они покатались по спальникам, сплетаясь в объятиях, тяжело и громко дыша, чтобы скрыть рвущиеся наружу эмоции.

Пэй И задыхался от немого плача, до крови кусая губы, силясь сдержать рвущееся наружу горе. Чжан снова накрыл его рот ладонью, шепча на ухо:

— Тише, маленький мой... Только не плачь, тебе нельзя выдавать себя.

Два человека, связанные неразрывной нитью жизни и смерти, стояли на пороге бойни. Они слизывали ярость с губ друг друга, выжигая остатки страха и сплетая пальцы до хруста.

Буквально в полуметре от них, за тонким брезентом, маячили силуэты охранников с автоматами. Снизу полог палатки неплотно прилегал к земле, оставляя щель шириной в ладонь, через которую отлично просматривались их ноги.

Чжану пришлось перевернуть Пэй И на живот и навалиться сверху, вжимая в надувной матрас.

Снаружи, сквозь щель у земли, караульные видели лишь скомканную ткань штанин да тесно переплетённые, вздрагивающие мужские ноги.

Чжан Шаочи целовал его взахлёб, давая Пэй И долгожданную возможность выпустить скопившуюся в груди боль.

Пэй И наконец закричал. Этот хриплый, утробный звук вырвался наружу:

— А-а... Суки...

Словно раненый зверь, он вцепился пальцами в собственную грудь, согнулся пополам и упёрся

локтями в сырую землю, содрогаясь в конвульсиях неукротимого горя. Чжан Шаочи прижимал его к себе, пытаясь унять эту дрожь, и в конце концов зажал ему рот ладонью.

Пэй И посмотрел на него безумными, полными слёз глазами: «Я в порядке».

Вывернув лицо из-под ладони Чжана, он одними губами процедил:

— Я их всех вырежу. До седьмого колена закопаю. Живьём сдеру с них шкуру.

Чжан Шаочи крепко прижал свои губы к его уху:

— Терпи, маленький мой... Ещё чуть-чуть. Соберись. Я люблю тебя.

Бонайвэнь вытащил из кузова внедорожника штурмовую винтовку, с лязгом передёрнул затвор и вогнал патрон в патронник. Как истинный профессионал, он не забыл набить разгрузку запасными рожками и осколочными гранатами.

У Тинмао опустился на кожаное сиденье броневика. Помолчав пару секунд, он сухо бросил:

— Кончай его.

— Кого? — не понял Бонайвэнь.

— Смазливого, — без колебаний отрезал старик.

— Думаете, он засланный коп?

— Кончай его, — повторил наркобарон. — Прямо сейчас. Возьми пару парней и реши вопрос. Чжан Шаочи не трогай, а сопляка — в расход.

Внезапный сухой выстрел заставил всех вздрогнуть. Наёмники мгновенно посыпались из укрытий, хватаясь за оружие. Лагерь забурился — все решили, что попали в засаду.

— Кто стрелял?! Откуда?! Крысы?!

— Нет-нет, босс! — заикаясь, подлетел к Бонайвэню перепуганный часовой. — Это наш связной сигнальную ракету дал... То есть, ствол у него случайно бабахнул!

— Твою мать, случайно?! — рявкнул Бонайвэнь и с размаху впечатал берцы ему в рёбра.

Поднявшись с земли, часовой подбежал к броневнику У Тинмао:

— Хозяин! Это не засада! Наша лаборатория в ущелье... база горит! Там бой, легавые накрыли точку!

У Тинмао на секунду лишился дара речи.

— Где командир Лэй? — хрипло спросил он.

— Да в палатке дрыхнет!

— Нет его там!

— Может, в машине сзади? Только что ведь сидел!

— Где этот ублюдок?!..

— Он сбежал! Тварь, ушёл!

Для У Тинмао это стало обухом по голове. В его мозгу мгновенно развернулась карта Юго-Восточной Азии на сотни километров вокруг: плантации, подпольные цеха, каналы сбыта, тайные склады оружия...

И в эту секунду он лихорадочно соображал: сколько из этих точек знал Лэй По? Сколько карт прошло через его руки? Чертовски много. Почти все.

Этот сукин сын с самого начала планировал сожрать его бизнес. Никакой верности, никакой воровской чести. В самый критический момент воткнул нож под лопатку и провернул. Красиво сыграно, тварь. Жестоко.

Впрочем, стоило ли старому наркобарону так убиваться из-за предательства? Сам У Тинмао всю жизнь шёл по трупам ради наживы. А Лэй По, которого он так неосмотрительно приблизил к себе, всегда подчинялся лишь одному закону: защитить то, что ему дорого, и вернуть былую славу. И ради этой цели сожрать кучку наркоторговцев для него было делом пяти минут.

У Тинмао коротко зыркнул на Бонайвэня. Сбежал этот Лэй — и хрен с ним. Задача ясна: зачистить хвосты.

Бронетранспортёр взрыкнул мотором, тяжёлые колёса взметнули тучи гравия и пыли. Колонна

сорвалась с места.

Бонайвэнь кивнул паре боевиков, увлекая их за собой. Пора разобраться с крысами в лагере.

Убийца тихо приподнял ствол, двигаясь бесшумно, словно крупный хищник в зарослях. Медленно, шаг за шагом, он приближался к большой палатке, сквозь брезент которой тускло светил ночник.

Один из боевиков резко рванул полог, и Бонайвэнь тут же всадил внутрь длинную очередь:

— Та-та-та-та!

Внутри было пусто. Ни души.

На надувном матрасе сиротливо лежали брошенные вещи: измятая льняная рубаха Чжан Шаочи и чьи-то брюки. Снаружи, через узкую щель внизу полога, эта гора тряпья выглядела так, будто парочка до сих пор валяется в обнимку после бурного секса.

Зрачки Бонайвэня сузились:

— Сука! Нас наебали! Они ушли, ищите их! Живо!

В лунном свете стёрлись границы тропинок, высокая трава шуршала под ветром, стрекотали цикады. Серебристое сияние заливало лес. Это было то самое затишье, когда хищник выходит на след добычи — мягкая, вкрадчивая поступь перед смертельным броском.

Один из наёмников осторожно подобрался к густому кустарнику. Он даже не успел вскинуть ствол, как из темноты вылетело стальное лезвие и насквозь пробило ему горло.

Из раны хлынула тёмная, густая кровь. Нападающий железной рукой зажал бедолаге рот, лишая возможности издать хоть звук, скрутил шею и повалил в высокую траву, навалившись всем телом.

Жертва даже не дёрнулась толком — лишь ноги в тяжёлых ботинках пару раз судорожно ударили по земле. Последняя конвульсия, и заросли снова замерли.

Из зарослей бесшумно поднялся человек, похожий на дикого лесного зверя. Окровавленная, мощная грудь тяжело вздымалась, на суровом лице застыл звериный оскал.

Сквозь слой грязи и болотной жижи, заменявшей ему камуфляж, едва угадывались хищные карие глаза. Это был Чжан Шаочи. Свою модную льняную рубаху ему пришлось оставить в

палатке ради маскировки.

Старая школа армейского спецназа — приёмы работали безознательно, годы не убавили сноровки. В реальном бою жалости не существовало. Никаких предупреждений, никаких переговоров. У Тинмао был прав: выживет только один. И Чжан Шаочи собирался лично отправить этих уродов на тот свет.

Второй боевик обернулся. В темноте, слепившей глаза после яркого костра, он не сразу понял, куда делся его напарник.

Он только открыл рот, чтобы позвать остальных, как из темноты, подобно ледяному сквозняку, вылетела чужая ладонь. Пальцы стальными когтями впились в кадык. Наёмник даже сообразить ничего не успел.

Смерть пришла мгновенно.

Это было похоже на смертельный укус ягуара — быстро, точно и наповал.

Автомат мертвеца переключался в руки Чжан Шаочи. Тело со сломанным кадыком и разорванной артерией мешком рухнуло на землю. Ещё один безымянный труп в этих проклятых джунглях.

Бонайвэнь затылком почуял неладное. Опасность!

Он резко развернулся, но встретил лишь сокрушительный удар. Чжан Шаочи, полуголый, с бешеным огнём в глазах, в прыжке впечатал колено ему прямо в грудину!

Бонайвэнь взывал от ярости. Годы наёмничьей жизни развили в нём звериные рефлексy: он успел выставить блок локтями и тут же перешёл в контратаку.

Завязалась яростная, грязная рукопашная. Полетели дикие удары кулаками и коленями. Два здоровенных, сильных мужика молотили друг друга не на жизнь, а на смерть. Кровь заливала им глаза, рассечённые брови делали лица похожими на кошмарные маски, а мышцы под лунным светом казались высеченными из серебра. В тишине ночи их хриплое рычание звучало жутко.

Чжан Шаочи с разворота всадил ему локтем в переносицу, ломая хрящ. Бонайвэнь пошатнулся, но успел вскинуть ствол.

Палец уже жал на спуск, когда чьи-то ладони перехватили дуло и с силой рванули вверх. Оружие буквально выкручивали из его пальцев с такой яростью, что металл готов был согнуться.

Тонкие пальцы молодого мужчины побелели от предельного напряжения. Смертоносная «игрушка» Бонайвэня была разобрана за долю секунды прямо у него перед носом. Невероятная, отточенная до автоматизма скорость.

Выстрелить? Пэй И лёгким движением вырвал затвор, превратив автомат в бесполезный кусок железа, и швырнул детали в густой бурьян.

Хищный разрез глаз, тонкие брови, холодное, породистое лицо. Невероятно красивый, но в глубине его зрачков застыла вековая, невыносимая тоска — груз потерь и одиночества, который он тащил на себе с самого детства. Сквозь грязь, пепел и кровь он шёл к этому дню. И вот он здесь, на самом краю бездны, где суждено завершить предназначённое.

— Ты?!.. М-м-м!..

Бонайвэнь привык работать чисто и без шума, презирая дешёвые крики. Но оказавшись зажатым в тиски двоими профессионалами, он сообразил, что дело дрянь, и попытался позвать на помощь. Не успел.

Он был слишком самонадеян. Этот ублюдок просто не знал, на что способна Чёрная Мамба из Северной Африки.

Прочная пеньковая верёвка захлестнула его шею до того, как из горла вырвался хоть один звук. Пэй И рванул её на себя, увлекая убийцу в заросли. Бонайвэнь отчаянно брыкался, сминая траву под собой, так что Чжану пришлось изрядно попотеть, чтобы прижать этого борова к земле.

Эта грязная тварь оставалась жива лишь потому, что командиру Пэю нужен был свидетель. Тёплый и говорящий.

— Открой глаза и посмотри на меня, — шёпотом приказал Пэй И, склонившись над ним. — Посмотри на моё лицо. Никого не напоминает?

— Я похож на неё? — тихо, почти ласково спросил он.

Горло Бонайвэня было перетянута удавкой, глаза выкатились из орбит от удушья, но в этот миг до него, кажется, дошло.

В глазах Пэй И плескалось безумие — жуткая смесь безграничной скорби и дикого, торжествующего восторга. Лицо залило лихорадочным румянцем.

— Это ты заложил ту бомбу, — прошептал он, и голос его сорвался на свист. — Это ты убил мою маму. Ты убил Мадам.

<http://bllate.org/book/19434/1999075>